

Е Цзэи просыпался несколько раз за ночь: в горле сильно пересохло, допекала жажда. Наконец он поднялся, чтобы налить воды. Услышав шорох, из соседней комнаты отдыха тут же выскочил дежурный врач с расспросами, но Цзэи лишь качнул головой и заверил, что всё в порядке — можно спать дальше.

С бокалом в руках он присел на широкий подоконник. Ночь выдалась чистой, и яркий лунный свет ложился на сад за окном невесомым белым покрывалом.

Сделав глоток, Цзэи вспомнил, что днём дал согласие на брак с Шао Вэньчжоу.

В прошлой жизни Шао Хункан, явившись к нему с предложением о династическом союзе, задвигал ровно те же речи, что и Вэньчжоу пару дней назад: мол, клану нужен «свой человек». Вот только после свадьбы «свой человек» остался в полном одиночестве.

Когда Вэньчжоу заговорил о браке, Цзэи поймал себя на сумрачном воспоминании:

«Как я мог в прошлый раз поверить с такой лёгкостью?»

И всё же, сделав виток длиною в жизнь, он снова наступил на те же грабли.

Сон был тревожным, со смутным переплетением яви и грёз. Снилось то, что произошло ещё до отъезда Вэньчжоу за границу.

Приёмы, рауты... Шао Вэньчжоу всегда оставался на них центром вселенной — наследником гиганта «Дунчжоу», купавшимся в лучах чужого внимания. Е Цзэи же держался в тени. Е Чжэнчу таскал его за собой исключительно ради приличия, чтобы злые языки не обвинили его в чёрствости по отношению к памяти покойной жены. При этом отец ни разу не удостоил младшего сына похвалы перед гостями.

«А-Цзэ у меня болезненный да некудышный», — именно этими словами Е Чжэнчу чаще всего представлял его обществу. Звучало как скромность, но на деле отец лишь выгодно оттенял достоинства своего первенца, Е Чэньси.

Не способный терпеть подобную суету, Цзэи при первой же возможности ускользал в какой-нибудь глухой угол.

Ему тогда исполнилось семнадцать. В тот вечер он выскользнул в сад за отелем. Ночь стояла точно такая же — залитая чистым лунным светом, разве что дышала разгаром лета, а небосвод высыпал миллиардами звёзд.

Он заметил Вэньчжуо, вальяжно расположившегося на скамье. Тот был в безупречно скроенном чёрном смокинге с бриллиантовой брошью. Рукава сорочки были небрежно подвёрнуты и наполовину прятали изысканные запонки, но даже эта деталь не умаляла его породистой, аристократичной стати.

В тот миг в голове Цзэи родилось поэтическое сравнение:

«Словно облечённый в сияние звёзд и луны».

Жаль, всю картину безнадёжно портила зажатая в руках наследника разломанная, обкусанная сдобная булочка.

Встретившись взглядами, оба на секунду оцепенели. Цзэи уже наострился дать дёру, как раздался голос:

— А-Цзэ.

Убегать теперь было бы слишком очевидно. Цзэи сдержанно буркнул и неохотно повернулся:

— Чего тебе?

— Подойди, — Вэньчжуо похлопал по свободному месту рядом, снова откусил от булки и улыбнулся: — На банкете крошки в рот не попало, умираю с голоду.

Напустив на себя равнодушный вид, Цзэи неторопливо приблизился:

— А кто мешал?

— Толпа облепила, проходу не давали, — Вэньчжуо протянул ему кусочек. — На, попробуй. Сам пёк.

Сам? Цзэи откровенно изумился.

Это была ананасовая булочка с сыром. Но едва Цзэи откусил край, как скривился — вкус оказался до того странным, что проглотить ком удалось с большим трудом.

Вэньчжуо не удержался от смеха:

— Если не нравится, мог бы не брать. Откуда в тебе столько любопытства?

Не заяви этот фанфарон, что состряпал сам, Цзэи бы и глазом не повёл.

Словно прочитав его мысли, Вэньчжуо опять тихо рассмеялся. И тут до Цзэи наконец дошло: его просто нагло обвели вокруг пальца. Это была обычная сдоба из фуршетного меню!

В груди тогда вспыхнул целый узел чувств: растерянность от нелепой подначки, смешанная с откровенной досадой.

В те годы Цзэи рос диковатым и ежистым, но по пустякам из себя не выходил — считал ниже своего достоинства. Однако рядом с Шао Вэньчжуо вспыльчивость прорывалась мгновенно, и сдержать её не удавалось.

Он рванулся, пытаясь вырвать булку, но Вэньчжуо — куда более крепкий и ловкий — без труда перехватил его тонкое запястье.

— А-Цзэ, если так приспичило, я принесу ещё, — с усмешкой проговорил он. — Зачем отбирать-то?

— Подавись! — фыркнул Цзэи. — Сам не буду и тебе не дам. Сиди голодным!

Разнимать их пришлось подбежавшим телохранителям. Поправляя помятый смокинг, Вэньчжуо с откровенным удовольствием разглядывал разъярённого, точно огрызающийся зверёк, юношу.

Цзэи тогда дал зарок: если он ещё хоть раз заговорит с этим идиотом — он полный кретин. Но при следующей встрече снова не смог пройти мимо человека, окружённого этим ослепительным ореолом.

Таким был Шао Вэньчжуо. Он дёргал за ниточки всех противоречивых чувств, из которых была соткана юность Цзэи.

Но судьба переменчива. Через пару лет в корпорации «Дунчжоу» прогремел гром: чета Шао, стоящая у руля клана, в одну ночь разбилась насмерть в автокатастрофе.

В следующий раз Цзэи увидел Вэньчжуо на траурной церемонии.

Прежде юноша казался сказочным принцем, а теперь превратился в холодного, неприступного мужчину, словно закованного в тяжелые невидимые цепи.

Лесть, вспышки камер, толпы прилипал — всё испарилось в миг. Рядом не осталось ни души.

День выдался ненастный, сеялся моросящий дождь. Едва поминальная служба окончилась, Вэньчжуо исчез. Цзэи отыскал его у расположенной неподалёку церкви.

Тот в одиночестве сидел на широких каменных ступенях. На фоне величественного собора под хмурым небом его фигура выглядела бесконечно одинокой.

Цзэи подошёл сзади и раскрыл над ним зонт, укрывая от колючих холодных капель.

Вэньчжуо казался опустошённым. Он долго вглядывался в серую пелену дождя, а потом тихо спросил:

— А-Цзэ... тебе больно?

Цзэи видел супругов Шао всего пару раз в жизни, поэтому соврать о скорби не мог.

— Вот и правильно, — проронил Вэньчжуо. — В той толпе никому нет до этого дела. Ни у кого душа не болит.

Цзэи промолчал. Дождь припустил сильнее, заливая всё вокруг.

— Я уезжаю, — произнёс Вэньчжуо.

— Куда? — услышал Цзэи собственный голос.

— За границу.

Цзэи выдержал паузу, прежде чем вытолкнуть из себя:

— Когда вернёшься?

От Вэньчжуо веяло морозной лютостью, но в этот миг он вскинул глаза на Цзэи и замер.

— Хочешь, чтобы я вернулся?

Цзэи так и не нашёл, что ответить.

Спустя долгое молчание Вэньчжуо добавил:

— Два года. Время пролетит быстро. Здесь всё ещё остаётся то, что принадлежит мне.

Вэньчжуо уехал, и следующие два года о нём не было ни слуху ни духу. А когда он вернулся, они встретились вновь — и Вэньчжуо своими глазами увидел, как Цзэи втоптывают в грязь, превращая его имя в посмешище.

Позже они оформили брак. Это стало для Цзэи тихой гаванью — затерянным уголком, куда никому не было дела.

Вот почему в той катастрофе, уносящей его жизнь в прошлом воплощении, он успел прошептать Вэньчжуо слова благодарности... За то, что тот когда-то подобрал его и привёл к себе в дом.

«Чем же он меня так зацепил?..» — задавался вопросом Шао Вэньчжуо.

В прошлой жизни он пролил неглубокое море крови в корпоративных войнах и взобрался на самый олимп. Но когда оглянулся, осознал: через предательства, проклятия и клевету с ним плечом к плечу прошёл лишь один человек. Е Цзэи.

И его-то он в итоге не уберег.

Машина вместе с Цзэи рухнула с обрыва в ревущие морские волны. Поиски длились месяцами, водолазы перерыли всё дно, но не нашли даже останков.

Эта удушающая безысходность выжгла его дотла. Каждую ночь из бездонной пучины вытягивались окровавленные костлявые лапы и на его глазах вырывали Цзэи из объятий. Этот кошмар повторялся снова и снова, превратившись в неискоренимую одержимость.

В этом аду он прожил три бесконечных года.

А затем открыл глаза — и очутился в дне своего возвращения в страну.

По памяти он мгновенно вдавил педаль газа и помчался из аэропорта за город, где среди густой метели наконец разглядел на обочине родную фигуру.

Наступая на горло безумному ликованию, он бережно забрал его к себе. Ему хотелось спрятать Цзэи от всего мира, вплавить в собственную плоть и кровь, укрыть в объятиях и держать там,

где всегда сможет дотянуться рукой.

В дворике стояла мёртвая тишина. Лунный свет заливал родовой храм.

Взгляд Вэньчжуо потемнел, в нём проглянули сполохи тяжёлой, нездоровой одержимости:

— Второй дядя, вы помните поминки по моим родителям?

Он чуть прищурился, и голос его прозвучал глухо:

— Лил проливной дождь. Каждый тогда видел лишь моё падение и позор. И только он подошёл ко мне с зонтом и спросил, когда я вернусь.

<http://bllate.org/book/20083/1991334>